

7. Ogonovskaya, I.S. (2021) *Kommemorativnye praktiki kak instrument sokhraneniya pamyati o voyennoy istorii Rossii* [Commemorative Practices as a Tool for Preserving Russia's Military History]. [Online] Available from: <https://clck.ru/3SDXBn> (Accessed: 15.02.2026).

8. Tuchina, O.R. & Apollonov, I.A. (2021) *Istoricheskiy opyt i kommemorativnye praktiki v kontekste natsional'noy i lokal'noy identichnosti: krossregional'nyy analiz (Sevastopol' – Novorossiysk)* [Historical Experience and Commemorative Practices in the Context of National and Local Identity: A Cross-Regional Analysis (Sevastopol – Novorossiysk)]. *Gumanizatsiya obrazovaniya – Humanization of education*. 5. pp. 45–59.

9. Russian Federation (2024) *Zakon RF 14.01.1993 № 42921 “Ob uvekovechenii pamyati pogibshikh pri zashchite Otechestva” (v redaktsii 09.11.2024)* [Law of the Russian Federation № 4292-1 dated January 14, 1993, “On the Commemoration of Those Who Died in the Defense of the Fatherland” (as amended on November 9, 2024)]. [Online] Available from: <https://clck.ru/3SDXyM> (Accessed: 15.02.2026).

10. Denisov, N.G. (2022) *Memorial'naya kul'tura v sisteme grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniya (na primere goroda-geroya Novorossiyska)* [Memorial Culture in the System of Civic-Patriotic Education (Based on the Hero City of Novorossiysk)]. In: *Kul'turnoye nasledie narodov Yuga Rossii: itogi i perspektivy izucheniya: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Cultural Heritage of the Peoples of Southern Russia: Results and Prospects of Study: A Collection of Materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Krasnodar: KGIK. pp. 169–174

УДК 069:004

DOI: 10.24412/2070-075X-2026-1-55-67

А.В. Молодин

КРИЗИС МУЗЕЙНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЦИФРОВОМ НАСЛЕДИИ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ США

В статье исследована трансформация музейной ответственности при цифровой медиатизации диаспорного наследия. Проанализированы режимы сохранения памяти вне институциональных рамок на примере русской диаспоры США. Показано, что цифровизация без институциональной подотчетности не воспроизводит музейное знание, усиливая разрыв между доступом и верификацией. Впервые обосновано понятие цифровой кураторской ответственности как минимального стандарта в условиях институционального дефицита.

Ключевые слова: *музеология, цифровое наследие, русская диаспора, ответственность, провенанс, режимы памяти, медиатизация.*

Актуальность темы исследования. Диаспорное наследие в США существует в режиме хронического институционального дефицита: оно рассредоточено между приходами, клубами, частными архивами, мемориальными практиками и цифровыми инициативами, которые редко имеют устойчивый мандат хранения и публичной ответственности. Поэтому русская диаспора в США выступает не «частным кейсом», а предельной ситуацией, где цифровая медиатизация проверяет на прочность саму возможность музейного знания о наследии. Для аналитической ясности исследование разводит музейный режим и режимы функционирования памяти. Музейный режим задает производство знания через отбор, контекст, проверяемость и закрепленную ответственность; именно этот «нормативный ноль» позволяет фиксировать точку отказа, когда цифровая

репрезентация перестает воспроизводить музейную дисциплину, хотя сохраняет риторику доступа и вовлечения [1. С. 6]. Режимы функционирования памяти описывают практики фиксации, селекции и интерпретации, которые могут действовать вне музея и не иметь встроенных процедур верификации; цифровая медиатизация в диаспоре поэтому трактуется как пост- или антимузейная конфигурация памяти, а не как «новая форма музея» [2. С. 129–133].

Автор исследования исходит из проблемы несоответствия между расширением цифрового доступа к диаспорному наследию и утратой механизмов контекстуальной верификации и распределенной ответственности, традиционно обеспечиваемых музейным режимом. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что в существующих исследованиях цифровизация наследия преимущественно рассматривается либо как технологическое расширение музейных практик, либо как инструмент демократизации памяти, тогда как структурные пределы музейного знания в условиях институционального вакуума остаются недостаточно проанализированными.

Степень научной разработанности проблемы. В зарубежной музеологии проблема цифрового наследия и цифровой трансформации музеев активно исследуется. Так, Ф. Камерон и С. Кендердайн [3] еще в 2007 году заложили теоретико-методологические основы критического осмысления «цифрового культурного наследия», а Т. Джианнини и Дж.П. Бозн [4] расширили дискурс, показывая междисциплинарное переосмысление музейной философии, коллекций и аудитории под влиянием цифровой культуры. В российской науке эту проблематику развивают Г.М. Шаповалова [5], П.О. Васильева, Д.В. Качуровская, А.В. Михайлова, С.Э. Феоктистова [6], анализируя правовые аспекты концепта цифрового наследия в контексте культурной политики и исследуя институциональные и эпистемологические трансформации музея в цифровую эпоху. Эти и другие исследователи демонстрируют, что теория и методология цифрового наследия сформировались как самостоятельное направление: от осмысления соотношения материального и цифрового в музеях до анализа стратегий адаптации музейных институтов к вызовам цифровой эры. Вместе с тем граница между публичной доступностью и доказательностью знания, а также вопрос о субъекте цифровой кураторской ответственности в условиях институционального вакуума остаются описанными фрагментарно, что и задает исследовательский зазор для данной статьи.

Цель, задачи и предмет исследования. Цель статьи состоит в выявлении и концептуальном описании пределов музейного знания в условиях институционального вакуума процессов цифровой медиатизации на материале наследия русской диаспоры в США. Для достижения цели ставятся следующие задачи: 1) уточнить различие между “музейным режимом” и режимами функционирования памяти; 2) описать, каким образом цифровая медиатизация в диаспоре перераспределяет селекцию и ответственность между акторами платформ и сообществ; 3) выявить типовые точки утраты контекста и верификации в сетевых репрезентациях диаспорного наследия; 4) предложить минимальные требования к цифровой кураторской ответственности как условию воспроизводимости музейного знания вне устойчивой институциональной юрисдикции. Объектом исследования выступает диаспорное культурное наследие как совокупность материальных, документальных и символических форм памяти, а предметом – режимы его функционирования в условиях цифровой медиатизации вне устойчивых институциональных рамок.

Научная новизна исследования заключается в аналитическом разведении музейного режима и режимов функционирования памяти и в постановке вопроса о цифровой кураторской ответственности как самостоятельной проблеме музеологии, а не как побочном эффекте технологического развития. Несмотря на то, что рассматриваемые практики имеют внешнее сходство с экомузейными моделями, в данном исследовании они анализируются критически – как зоны институционального дефицита, где партиципация не компенсирует отсутствие верификации.

Методология и методы исследования. Музейный режим в рамках современного музееведения следует понимать не как совокупность техник хранения или каналов публичного показа, а как институционально закрепленный способ производства знания о наследии, в котором связаны отбор, контекстуализация, проверяемость и распределенная ответственность между акторами экспертизы [1. С. 12–27]. В этом смысле музей задает режим, где объект существует не сам по себе, а как часть иерархически выстроенного знания, воспроизводимого через процедуры учета, атрибуции и интерпретации. Именно эта связка позволяет отличить музейность от любых форм публичной демонстрации прошлого.

Разведение музейного режима и режимов функционирования памяти принципиально для анализа цифровых практик. Режимы памяти включают формы фиксации и обращения с прошлым, которые могут действовать вне музея и не предполагают институционально закрепленного субъекта ответственности. Виртуальные формы существовали задолго до цифровой эпохи и не разрушали музейность сами по себе, поскольку оставались подчинены авторскому и дисциплинарному контролю [7. С. 14–18]. Это позволяет показать, что медиальная форма не тождественна музейному режиму и не может служить его критерием.

Современное понятие «цифровое культурное наследие» институционализируется преимущественно в юридико-управленческом поле и фиксирует тип объекта, а не способ производства знания о нем [8. С. 103–105]. Нормативное закрепление цифрового наследия не восполняет отсутствие музейной процедуры верификации и не отвечает на вопрос о субъекте интерпретации, что подтверждается и параллельными дискурсивными анализами того же корпуса документов [8. С. 106–108].

Методология исследования основана на интерпретативном анализе цифровых репрезентаций объектов русской диаспоры в США. В качестве источников использовались цифровые коллекции, включающие оцифрованные архивные документы, цифровые копии материальных предметов, пользовательские онлайн-архивы и проектные витрины. Объединяющим критерием отбора источников послужило отсутствие стабильной институциональной принадлежности. Анализ организован по трем уровням: фиксация источника, интерпретационный режим и форма цифровой репрезентации.

Эмпирическая часть представляет собой качественное сравнительное исследование, в котором применяется кейс-анализ цифровых форматов (веб-сайты, цифровые платформы, онлайн-витрины), а также дискурсивно-семиотический разбор механизмов контекстуализации и атрибуции. Дополнительно проведено сопоставление музейных и постмузейных режимов обращения с объектами на основе трех уровней репрезентации. Анализ метаданных и пользовательских интерфейсов позволил выявить стратегии селекции видимости и распределения интерпретационной ответственности.

Источниковая /эмпирическая база исследования. Корпус исследования формируется аналитически и включает три типа объектов: материальные объекты диаспорного наследия, документальные комплексы и их цифровые репрезентации в открытых сетевых средах. Критериями включения служат публичная доступность, устойчивость присутствия в цифровом пространстве и связь с практиками памяти русской диаспоры в США. Из анализа сознательно исключаются частные архивы без публичного доступа, институционально закрытые базы данных и единичные медиапубликации, не образующие устойчивого режима фиксации. Такой отбор позволяет рассматривать не отдельные случаи, а повторяющиеся конфигурации обращения с наследием.

Основная часть. На уровне инфраструктур цифровое наследие функционирует как инструмент культурной политики и стандартизации, а не как музейная институция. Анализ платформы Europeana показывает, что цифровые агрегаторы создают нормативно нагруженные версии прошлого через метаданные, форматы доступа и кураторские протоколы, однако действуют без тех механизмов ответственности, которые характерны

для музея [13. С. 309–315]. Тем самым цифровая медиатизация не формирует «новый музейный режим», а производит автономные режимы функционирования памяти, в которых сохраняется риторика наследия, но утрачивается дисциплина музейного знания.

Сравнительный характер исследования реализуется не через сопоставление отдельных эмпирических кейсов, а через анализ различных режимов функционирования наследия в сопоставимых условиях цифровой медиатизации. Сравнение проводится по единым аналитическим параметрам: происхождение и статус данных, способы контекстуализации, наличие или отсутствие процедур верификации, субъект интерпретации и форма публичного доступа. Такое разведение позволяет сопоставлять разнородные объекты без редукции их специфики и удерживать воспроизводимость анализа. Сравнительность здесь носит структурный, а не описательный характер и направлена на выявление границ применимости музейного режима в цифровой среде диаспоры.

Цифровая медиатизация в диаспорном контексте должна рассматриваться не как продолжение музейной логики и не как ее технологическое обновление, а как режим памяти, структурно противостоящий музею. Музейный режим предполагает локализованный объект, фиксированный контекст и воспроизводимую процедуру интерпретации, в которой знание возникает как результат институционально закрепленного отбора и проверки [1. С. 47–63]. Цифровая репрезентация, напротив, разрывает связь между объектом и местом, а также между артефактом и исторически выверенной рамкой его понимания, превращая наследие в циркулирующий медиальный фрагмент.

Трансмедийная логика цифровых сред переводит музей из режима доказательной интерпретации в режим распределенного контента, где экспонат существует как элемент потока, а не как носитель контекста [2. С. 129–131]. Первым в цифровом режиме утрачивается не сам объект, а его процедурное окружение: паспорт, история поступления, связка с фондом и экспертной атрибуцией. Цифровая репрезентация сохраняет визуальную и фактографическую оболочку, но разрывает цепочку доказательности, на которой держится музейное знание. Даже в институциональных примерах виртуальных музеев сохранение музейного статуса оказывается номинальным: контекст удерживается декларативно, тогда как реальные механизмы интерпретации подчиняются форматам платформ и ожиданиям аудитории [10. С. 270]. В диаспорной среде этот сдвиг радикализуется из-за отсутствия устойчивого институционального центра, способного закреплять значения и нести ответственность за интерпретацию.

Показательным примером частично институционализированной цифровой фиксации служит архивное собрание Музея русской истории в Джорджанвилле. Архив, включающий фонды эмигрантских организаций и личные собрания, демонстрирует, что цифровая доступность здесь опирается на сохранение классических архивных процедур, а не на платформенную логику [11].

Иной тип цифровой репрезентации представлен проектом «Жар-птица» – электронным реестром объектов русского культурного наследия в США и других странах, основанном на распределенном сборе данных и пространственной визуализации. В отличие от архивной модели, здесь первичным становится не фонд, а объект в ландшафте памяти: храм, памятное место, учреждение, топоним [12. С. 15–17]. Такой подход позволяет зафиксировать территориальную протяженность и многоуровневую структуру диаспорного наследия, делая видимой его рассредоточенность и фрагментарность. Цифровая репрезентация в данном случае выполняет функцию картографирования присутствия и памяти, связывая разнородные объекты в единое аналитическое поле без их сведения к единому институциональному центру.

Технологическая инфраструктура цифровых экспозиций не является нейтральной. Современные инструменты иммерсивной визуализации и интерактивного дизайна перестраивают структуру восприятия, смещая акцент с реконструкции знания на пользовательский опыт [13. С. 24]. В результате воспроизводимость интерпретации уступает

место вариативности впечатлений, а проверяемость знания – метрикам вовлеченности. Это не деградация музейной практики, а переход к иной эпистемологической логике, в которой знание о прошлом больше не требует верификации, а лишь видимости и циркуляции.

Полевые описания цифровой трансформации музеев фиксируют этот сдвиг как набор практических решений, направленных на расширение доступа и аудитории [6. С. 18–27]. Однако эти решения не отвечают на вопрос о режиме знания и не восполняют утрату ответственности за контекст. В диаспорном цифровом пространстве медиатизация окончательно перестает быть музейной практикой, формируя пост- или антимузейный режим памяти, в котором сохранение осуществляется без институционального подтверждения, а интерпретация – без воспроизводимой процедуры доказательства.

В условиях диаспорного наследия цифровая медиатизация обнажает вопрос об акторе интерпретации с предельной ясностью. Отсутствие музея как институционального центра не устраняет селекцию, а перераспределяет ее между конкретными субъектами, действующими в цифровой среде. Речь идет об администраторах платформ, кураторах цифровых проектов, активистах сообществ и грантодателях, которые определяют, какие фрагменты прошлого становятся видимыми и воспроизводимыми [14. С. 141–143]. Тем самым власть интерпретации сохраняется, но утрачивает форму институциональной подотчетности.

Финансовые и организационные модели цифровых продуктов выступают ключевым механизмом селекции. Выбор тем, форматов и нарративов определяется не музейными критериями значимости, а логикой монетизации, отчетности и привлечения аудитории, что трансформирует наследие в управляемый медиаресурс [14. С. 145–147]. В диаспорном контексте это приводит к тому, что интерпретация прошлого зависит от доступа к ресурсам, а не от процедур экспертизы и верификации.

Алгоритмы цифровых платформ не являются самостоятельными субъектами интерпретации, однако они реализуют интересы и решения тех, кто проектирует инфраструктуру видимости. В цифровых реестрах, картах и платформах функцию селекции выполняют не алгоритмы как таковые, а встроенные в интерфейс решения: структура метаданных, способы визуальной иерархизации и сценарии навигации. Именно эти элементы задают режим видимости объекта и определяют его интерпретативный вес, при этом оставаясь вне процедур экспертизы и учета, характерных для музейного режима. Метрики внимания, визуальная аналитика и форматы представления нормируют значимость наследия, подменяя экспертную иерархию иерархией данных и просмотров [15. С. 121]. В результате власть интерпретации становится структурной и распределенной, но при этом лишенной механизмов ответственности за последствия отбора.

Попытки компенсировать этот сдвиг через расширение участия и «множество голосов» сталкиваются с внутренним пределом. Техническая возможность полифонии не устраняет конкуренцию за видимость и не создает процедур согласования интерпретаций [16. С. 262]. В институциональном вакууме диаспоры участие легко превращается в распределение труда и рисков между участниками, тогда как ответственность за знание остается ничьей.

Подходы, апеллирующие к дизайн-мышлению и управляемой цифровой трансформацией, показывают, что ответственность может быть встроена в архитектуру решений, но лишь при наличии осознанного субъекта проектирования [17. С. 6–8]. В диаспорном цифровом пространстве такой субъект, как правило, отсутствует. Это позволяет говорить о формировании новых иерархий интерпретации без институциональной верификации, где власть присутствует, но не признается и не рефлексивируется как ответственность.

Диаспорное наследие в цифровой среде проявляет структурный предел партиципаторных моделей памяти, поскольку лишено институциональных механизмов перераспре-

деления ответственности. Сети русской эмиграции в США исторически складывались как совокупность организаций, инициатив и персональных центров влияния, связанных между собой не формализованной иерархией, а репутацией, доступом к ресурсам и медиальной видимостью [19]. В цифровом пространстве именно эти сети начинают выполнять функции селекции и интерпретации наследия, не обладая при этом ни мандатом экспертизы, ни обязанностью публичной верификации.

Партиципаторные практики диаспоры усиливают этот сдвиг. Участие в создании цифровых архивов, карт и платформ распределяет труд, эмоциональные и временные издержки между множеством акторов, но не формирует институционального субъекта, отвечающего за итоговый нарратив [19. С. 590]. В результате возникает ситуация «участия без ответственности», где вклад пользователей не сопровождается процедурами согласования интерпретаций и не ведет к накоплению воспроизводимого знания.

Расширение удаленного и асинхронного участия дополнительно фрагментирует контекст. Исследования партиципаторных цифровых решений показывают, что вовлеченность пользователей часто достигается ценой упрощения и локального отрыва фрагментов прошлого, ответственность за интерпретацию которых фактически перекладывается на самих участников [20. С. 131–134]. В диаспорном поле эта логика становится доминирующей, поскольку отсутствует институция, способная вернуть интерпретацию в режим проверки и согласования.

Сравнительный материал подтверждает, что данный эффект не универсален. В условиях сохраненной институциональной рамки, даже при активной цифровизации, музей удерживает функцию центра ответственности и экспертизы [21. С. 73]. Диаспора, напротив, выступает точкой отказа, где горизонтальные сети не компенсируют утрату иерархий, а воспроизводят новые формы власти видимости без подотчетности. Этот конфликт носит структурный характер и не может быть снят расширением участия, поскольку проблема заключается не в дефиците голосов, а в отсутствии институционально закрепленной ответственности за знание.

Цифровая медиатизация здесь трактуется не как внешняя угроза музею, а как среда, в которой видны слабые места самого музейного режима: зависимость от центра интерпретации, связка учета с ответственностью, а также разрыв между публичной доступностью и проверяемостью знания [1]. Исторически музей удерживал эффект показа дисциплиной отбора и доказательства, что уже в ранних кабинетах задавало напряжение между зрелищем и знанием. В современной цифровой среде это напряжение становится видимым в виде расхождения двух логик: логики вовлеченности и логики верификации. Исследования цифрового взаимодействия с наследием фиксируют культурную ценность цифрового участия, но не приравнивают ее к музейной доказательности [22. С. 78–79]. Поворот *memory studies* к сетевой памяти уточняет, почему эта ценность не заменяет контекст: цифровая память живет политикой видимости и скоростью мобилизации, а не процедурами учета [23].

Современные исследования фиксируют разрыв между технологическими возможностями медиатизации и сохранением стандартов музейного знания [2. С. 129–131]. Отмечается, что цифровая среда часто подменяет верифицированную атрибуцию простым доступом к визуальным образам, что ведет к девальвации экспертной функции музея [10. С. 270–271]. Исследователи подчеркивают, что в условиях работы с диаспоральным наследием, лишенным единого государственного мандата хранения, возникает ситуация хронического институционального дефицита.

Методологические основания данного исследования вытекают из необходимости критически осмыслить способы производства проверяемого знания в цифровых репрезентациях диаспорного наследия и установить, на кого возлагается интерпретационная ответственность в условиях фрагментированной институциональной среды. Обзор предшествующих исследований позволяет очертить контуры проблемы, но не устраняет

ключевого вопроса: каким образом цифровые формы воспроизводят или подменяют эпистемологические гарантии музейного знания. В связи с этим целесообразно сместить акцент от объектного уровня к анализу режимов существования культурного следа и норм селекции, детерминирующих структуру цифровой видимости.

Исследовательский дизайн представляет собой качественное интерпретативно-сравнительное исследование, направленное на сопоставление музейных и постмузейных цифровых режимов обращения с наследием. Сравнительный анализ осуществляется не на уровне самих объектов, а на уровне условий и логик их цифрового функционирования. Эмпирический корпус включает три типа носителей диаспорного наследия в США: материальные объекты (памятники, предметы культовой и общественной среды), документальные комплексы (архивы, печатные материалы эмигрантских организаций), а также сетевые формы репрезентации (веб-сайты, цифровые витрины, публикации на цифровых платформах). Отбор осуществляется по совокупности критериев: наличие устойчивого сообщества-носителя, повторяемость цифрового следа в различных медиасредах и выраженный разрыв между визуальной доступностью и контекстуальной интерпретацией, обеспечивающий сопоставимость наблюдаемых случаев при различиях масштабов. Процедура анализа разводит три слоя данных и не смешивает их: *историко-документальный слой* описывает генезис и функции организаций диаспоры [18]; *слой цифровой репрезентации* фиксирует, как платформа режет контекст на клипы видимости; *слой интерпретации* выявляет, кто именно задает правила селекции и чем они легитимируются.

Власть интерпретации в цифре не исчезает, а меняет носителя: множественность голосов технически достижима, но без центра подотчетности быстро превращается в конкуренцию за внимание и в неформальную иерархию интерпретаторов [16. С. 260–261]. Метрики внимания и аналитика культурных данных дают язык для описания этой власти как инфраструктурной, а не персональной: значимость производится измерением и ранжированием, а не экспертным доказательством [15. С. 129]. Контрастно к этому государственно-нормативная оптика цифрового сохранения показывает, насколько диаспорный режим уязвим без суверенного центра ответственности и учета [24. С. 159]. В такой рамке цифровая медиатизация выступает не заменой музея, а тестом, который вскрывает границы музейного знания и требует иной, явно описанной кураторской ответственности в сети.

Пост- и антимузейный характер цифровой медиатизации диаспорного наследия не означает отказа от ответственности за знание. Напротив, он требует ее концептуального пересмотра. В условиях отсутствия институционального центра кураторская функция не исчезает, а рассеивается между множеством акторов и процедур, теряя при этом статус закреплённой роли. Предлагаемое здесь понятие *цифровой кураторской ответственности* фиксирует не новую институцию, а совокупность проверяемых практик работы с сетевыми следами наследия, направленных на удержание контекста, происхождения и статуса интерпретации.

В отличие от музейного режима, где интерпретация подчинена процедурам экспертизы и учета, цифровая среда допускает множественные трактовки без указания их статуса. Концептуальная рамка интерпретации как процесса с правилами, предложенная Х. Рахаманом, позволяет рассматривать интерпретацию не как произвольное высказывание, а как цепочку решений, поддающихся описанию и проверке [25. С. 210–227]. На этом основании цифровая кураторская ответственность определяется через минимальные требования: прозрачность источников данных, фиксацию утраченных контекстов и явную маркировку интерпретационных слоев.

Ответственность без процедур неизбежно подменяется декларацией заботы. В цифровой диаспорной среде эта подмена особенно заметна, поскольку фиксация нередко вытесняет доказательность. Аналогичный вывод следует из анализа прикладных

практик цифровой репрезентации [26. С. 17–24], в которых отсутствие единых стандартов происхождения данных ведет к размыванию статуса цифрового объекта.

Сравнительный анализ институциональных моделей цифровизации в других странах демонстрирует, что попытки нормативного закрепления цифрового наследия возможны лишь при наличии центра ответственности [27. С. 73]. Для диаспоры такой центр отсутствует, что делает необходимой этику сетевого следа – режим работы с данными, где каждый акт фиксации сопровождается указанием его границ, условий и позиции автора.

Цифровая кураторская ответственность тем самым не воспроизводит музей в цифре и не компенсирует институциональный дефицит. Она задает минимальный эпистемологический стандарт в среде без центра, позволяя различать знание, интерпретацию и произвольную визуализацию. Именно в этом качестве она выступает не альтернативой музею, а ответом на его пределы.

Цифровая медиатизация не создает «новый музей». Она делает видимым то, что музейный режим всегда держался на дисциплине отбора, контексте и воспроизводимой ответственности, а не на самой публичности. Там, где эти связи поддержаны учетом и историей поступлений, знание остается проверяемым. Этот «нормативный ноль» позволяет точно назвать диаспорную ситуацию как точку отказа: цифровые копии и публикации на платформах умножают доступ, но не порождают эквивалентных процедур ответственности [1. С. 34–41].

Ключевой сдвиг связан не с техникой, а с режимами значимости. Метрики внимания и инфраструктуры видимости замещают экспертные критерии и формируют новые иерархии интерпретации, при этом алгоритм работает как инструмент чужих правил, а не как субъект [15. С. 20]. Попытки «дать голос многим» в цифровых проектах технически реализуемы, но в отсутствие центра подотчетности быстро превращаются в конкуренцию за видимость и в расслоение права на толкование [16. С. 260]. Поэтому задача не в том, чтобы отменить иерархии, а в том, чтобы сделать их наблюдаемыми и проверяемыми.

Позитивный выход задается не ностальгией, а этикой сетевого следа. Геоплатформы и «глубокие карты» показывают, что инструмент сам задает нарративные рамки и точки исключения, следовательно, требует явной маркировки выбора и источников [28]. Именно здесь возникает цифровая кураторская ответственность как минимальный стандарт: прозрачное происхождение данных, фиксация контекста, различение факта и интерпретации, а также учет асимметрии доступа к экспертизе [25. С. 229]. В диаспорном наследии этот стандарт замещает отсутствующие институциональные гарантии, но не имитирует музей. Он задает проверяемость там, где иначе остается только поток мнений и разрозненные следы, и потому переводит спор о «конце музея» в вопрос о правилах знания и ответственности.

Таким образом, цифровая медиатизация выявляет скрытые напряжения музеологии: зависимость от центра интерпретации и асимметрию доступа. В условиях диаспоры это приводит к формированию режимов памяти без гарантии доказательности. Предложенное понятие цифровой кураторской ответственности вводится не как попытка вернуть «музей», а как минимальный эпистемологический стандарт: различение фиксации и интерпретации, прозрачность источника и маркировка границ знания. Это позволяет перевести проблему из плоскости технологий в плоскость профессиональной этики сетевого следа.

Предлагаемое в статье понятие цифровой кураторской ответственности не направлено на воспроизводство музейной модели в цифровой среде и не предполагает институционального «возврата музея». Оно вводится как минимальный эпистемологический стандарт работы с сетевыми следами наследия в условиях отсутствия центра, позволяющий различать фиксацию, интерпретацию и их границы. Тем самым статья

вносит вклад в музеологическую теорию, смещая фокус с обсуждения форм цифровой репрезентации на проблему воспроизводимости знания и подотчетности интерпретации.

Продуктивным направлением дальнейших исследований представляется изучение практик фиксации сетевого следа в условиях смены поколений диаспоры, когда цифровые формы начинают выполнять функцию первичного, а не вспомогательного носителя памяти. Отдельного внимания заслуживает правовой и этический статус цифровых репрезентаций наследия вне музейного фонда, включая вопросы авторства, удаления, редактирования и долговременного хранения.

Литература

1. Музей и наследие в культуре XXI века / ред. Е.Н. Мастеница, ред.-сост. А.Н. Балаш. СПб.: Изд-во РХГА, 2024. 384 с.
2. Краснова Е.Л. Музей как трансмедийный инструмент // Вопросы музеологии. 2024. № 1. С. 127–134. DOI: 10.21638/spbu27.2024.111
3. Cameron F., Kenderdine S. *Theorizing Digital Cultural Heritage: A Critical Discourse*. Cambridge, MA, USA: MIT Press, 2010. 480 с.
4. Giannini T., Bowen J.P. *Museums and Digital Culture: New Perspectives and Research*. Cham: Springer International Publishing, 2019.
5. Шаповалова Г.М. Концепция цифрового культурного наследия и его генезис: теоретико-правовой анализ // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. № 4. С. 159–168. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2017-4/159-168.
6. Васильева П.О., Качуровская Д.В., Михайлова А.В., Феокистова С.Э. Музей в цифровую эпоху: Перегрузка. М.: Изд-во «Издательские решения», 2018. 188 с.
7. Абзалова А.А. Виртуальный музей в докомпьютерную эпоху // Вопросы музеологии. 2017. № 2 (16). С. 13–21.
8. Горлова И.И., Зорин А.Л., Крюков А.В. Концептуализация и институционализация понятия «цифровое культурное наследие» // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 102–108.
9. Capurro C., Plets G., Verheul J. Digital heritage infrastructures as cultural policy instruments: Europeana and the enactment of European citizenship // *International Journal of Cultural Policy*. 2024. № 3. P. 304–324. DOI: 10.1080/10286632.2023.2193401
10. Аксенова И.А., Булгакова А.Г. Музей в современном виртуальном мире (на примере Музея В. Аксенова) // Вопросы музеологии. 2023. № 2. С. 268–274. DOI: 10.21638/spbu27.2023.210
11. Russian History Museum. Archival Collection. URL: <https://www.russianhistory-museum.org/archives/> (дата обращения: 28.12.2025).
12. Молодин А.В. «Там русский дух... там Русью пахнет!»: сто особенных мест в США. Вашингтон: Наследие Пабблишинг, 2024. 495 с.
13. Li J., Zheng X., Watanabe I., Ochiai Y. A systematic review of digital transformation technologies in museum exhibition // *Computers in Human Behavior*. 2024. № 161. P. 2–30. DOI: 10.1016/j.chb.2024.108407
14. Сизова И.А. Монетизация музейных онлайн-продуктов: механизмы, стратегии, примеры // Вопросы музеологии. 2022. № 1. С. 140–148. DOI: 10.21638/spbu27.2022.110.
15. Manovich L. *Cultural analytics*. Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press, 2020. 318 p.
16. Mulholland P., Daga E., Daquino M., Dnaz-Kommonen L., Gangemi A., Kulfik T., Wecker A., Maguire M., Peroni S., Pescarin S. Enabling Multiple Voices in the Museum: Challenges and Approaches // *Digital Culture & Society*. 2020. № 2. P. 259–266. DOI: 10.14361/dcs-2020-0213.

17. Mason M. The Contribution of Design Thinking to Museum Digital Transformation in Post-Pandemic Times // *Multimodal Technologies and Interaction*. 2022. № 9. P. 1–19. DOI: 10.3390/mti6090079.
18. Зацепина О.С., Ручкин А.Б. Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI вв. Нью-Йорк: RACH-C Press, 2011. 290 с.
19. Hilden I., Zavadski A. Museum participation as labor // *Curator: The Museum Journal*. 2024. № 3. P. 583–602. DOI: 10.1111/cura.12617
20. Hemmert F., Fineder M., Cezanne F., Cho Y.E., Hagemeyer H., Hungerkamp A., Lischka T., Nievelstein C., Strauch M., Van Den Berg L., Weber N. To Go or not to Go? A Participatory Approach to Digitally Augmenting Museum Experiences // *Mensch und Computer 2022*. Darmstadt Germany: ACM, 2022. P. 128–136.
21. Брагин А.С. Университетские музеи Силезского воеводства (Республика Польша) // *Вопросы музеологии*. 2021. № 1. С. 68–79.
22. King L., Stark J., Cooke P. Experiencing the Digital World: The Cultural Value of Digital Engagement with Heritage // *Heritage & Society*. 2016. № 1. P. 76–101. DOI: 10.1080/2159032X.2016.1246156.
23. Павловский А.Ф., Миллер А.И. Память в Сети: цифровой поворот в memory studies. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. 351 с.
24. Наумов В.Б. Цифровое сохранение культурного наследия как средство обеспечения государственного суверенитета // *Ценности и смыслы*. 2025. № 6 (100). С. 154–167.
25. Rahaman H. Digital heritage interpretation: a conceptual framework // *Digital Creativity*. 2018. № 2–3. P. 208–234. DOI: 10.1080/14626268.2018.1511602
26. Историко-культурное наследие в цифровом измерении: материалы Международной научной конференции (г. Пермь, 20–22 октября 2021 г.) / под ред. Н.Г. Поврозник. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. 210 с.
27. Чень Лилун. Цифровизация как способ сохранения культурного наследия в Китае и России: опыт сравнительного анализа: дис. ... канд. культурологии. М., 2025. 188 с.
28. Зими́на Л.В., Пучковская А.А. Методы и инструменты для репрезентации геопространственных нарративов в цифровой культуре // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2021. № 49. С. 27–32. DOI: 10.30725/2619-0303-2021-4-27-32

The Crisis of Museum Stewardship over the Digital Heritage of the Russian Diaspora in the United States

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2026, 1 (100), 55–67

DOI: 10.24412/2070-075X-2026-1-55-67

Aleksandr V. Molodin, Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin) (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: avmolodin@gmail.com

Keywords: museology, digital heritage, Russian diaspora, accountability, provenance, memory regimes, mediatization.

This research conceptualizes the transformation of museum responsibility amidst the digital mediatization of diasporic heritage. The Russian diaspora in the United States functions within a condition of chronic institutional deficit, where cultural assets remain fragmented across parishes, social organizations, private archives, and disparate digital initiatives lacking a stable preservation mandate. This context serves as a critical boundary case where digital mediatization challenges the epistemic foundations of museum knowledge. The study delineates

a rigorous distinction between the “museum regime” and “memory regimes”, asserting that the former is defined by the systematic production of knowledge through selection, contextualization, and verification. Digitalization absent institutional accountability fails to replicate museum-grade knowledge, instead exacerbating the divergence between public accessibility and scholarly verification. Consequently, the concept of digital curatorial responsibility is advanced as a necessary minimum standard for operating under conditions of institutional absence.

In the digital environment, heritage often reverts to memory regimes characterized by affective engagement and the lack of professional gatekeeping. The research contends that the mere ontological transition of heritage objects into digital formats does not confer museum status. Bereft of professional attribution and provenance documentation, digital objects devolve into “homeless data”. To address this, the proposed model of a networked ecomuseum employs the “holon” as its primary analytical unit, ensuring the integrity of heritage assets across varying scales of observation. This scalar approach facilitates the integration of participatory data acquisition with stringent scientific protocols for description and verification. By shifting the focus from centralized repositories to distributed protocols of responsibility, the model secures the preservation of the “difficult” and dissonant meanings inherent in Russian overseas heritage. The resulting digital infrastructure serves as an experimental platform to validate museum quality criteria, metadata completeness, and security protocols within a decentralized preservation environment.

References

1. Mastenitsa, E.N. & Balash, A.N. (2024) *Muzey i naslediyе v kul'ture XXI veka* [Museum and Heritage in the Culture of the 21st Century]. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky.
2. Krasnova, E.L. (2024) *Muzey kak transmediynny instrument* [Museum as a Transmedia Tool]. *Voprosy muzeologii – The Problems of Museology*. 1. pp.127–134. DOI: 10.21638/spbu27.2024.111
3. Cameron, F. & Kenderdine, S. (2010) *Theorizing Digital Cultural Heritage: A Critical Discourse*. Cambridge, MA, USA: MIT Press. 480 p.
4. Giannini, T. & Bowen, J.P. (2019). *Museums and Digital Culture: New Perspectives and Research*. Cham: Springer International Publishing. 590 p. DOI: 10.1007/978-3-319-97457-6.
5. Shapovalova, G.M. (2017) *Kontsepsiya tsifrovogo kul'turnogo naslediya i yego genezis: teoretiko-pravovoy analiz* [The Concept of Digital Cultural Heritage and Its Genesis: Theoretical and Legal Analysis]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa – The Territory of New Opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service*. 4. pp. 159–168. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2017-4/159-168.
6. Vasilyeva, P.O. & Kachurovskaya, D.V. & Mikhailova, A.V. & Feoktistova, S.E. (2018) *Muzey v tsifrovuyu epokhu: Perezagruzka* [Museum in the Digital Era: Reboot]. Publishing House “Publishing Solutions”.
7. Abzalova, A.A. (2017) *Virtual'nyy muzey v dokomp'yuternuyu epokhu* [Virtual Museum in the Pre-computer Era]. *Voprosy muzeologii – The Problems of Museology*. 2 (16). pp. 13–21.
8. Gorlova, I.I. & Zorin, A.L. & Kryukov, A.V. (2019) *Kontseptualizatsiya i institutsializatsiya ponyatiya “tsifrovoye kul'turnoye naslediyе”* [Conceptualization and Institutionalization of the Concept of “Digital Cultural Heritage”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 449. pp. 102–108.

9. Capurro, C. & Plets, G. & Verheul, J. (2024) Digital heritage infrastructures as cultural policy instruments: Europeana and the enactment of European citizenship. *International Journal of Cultural Policy*. 3. pp. 304–324. DOI: 10.1080/10286632.2023.2193401
10. Aksenova, I.A. & Bulgakova, A.G. (2023) Muzey v sovremennom virtual'nom mire (na primere Muzeya Vasiliya Aksenova) [Museum in the Modern Virtual World (on the example of the Vasily Aksyonov Museum)]. *Voprosy muzeologii – The Problems of Museology*. 2. pp. 268–274. DOI: 10.21638/spbu27.2023.210
11. Russianhistorymuseum.org (2025) *Russian History Museum. Archival Collection*. [Online] Available from: <https://www.russianhistorymuseum.org/archives/>. (Accessed: 28.12.2025).
12. Molodin, A.V. (2024) “*Tam russkiy dukh... tam Rus'yu pakhnet!*”: sto osobennykh mest v SSHA [“There is the Russian Spirit... There is the Scent of Rus'!”: One Hundred Special Places in the USA]. Washington: Heritage Publishing.
13. Li, J. & Zheng, X. & Watanabe, I. & Ochiai, Y. (2024) A systematic review of digital transformation technologies in museum exhibition. *Computers in Human Behavior*. 161. pp. 2–30. DOI: 10.1016/j.chb.2024.108407
14. Sizova, I.A. (2022) Monetizatsiya muzeynykh onlayn-produktov: mekhanizmy, strategii, primery [Monetization of Museum Online Products: Mechanisms, Strategies, Examples]. *Voprosy muzeologii – The Problems of Museology*. 1. pp. 140–148. DOI: 10.21638/spbu27.2022.110
15. Manovich, L. (2020) *Cultural analytics*. Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press.
16. Mulholland, P. & Daga, E. & Daquino M. et al. (2020) Enabling Multiple Voices in the Museum: Challenges and Approaches. *Digital Culture & Society*. 2. pp. 259–266. DOI: 10.14361/dcs-2020-0213
17. Mason, M. (2022) The Contribution of Design Thinking to Museum Digital Transformation in Post-Pandemic Times. *Multimodal Technologies and Interaction*. 9. pp. 1–19. DOI: 10.3390/mti6090079
18. Zatsepina, O.S. & Ruchkin, A.B. (2011) *Russkiye v SSHA. Obshchestvennyye organizatsii russkoy emigratsii v XX–XXI vv.* [Russians in the USA. Public Organizations of Russian Emigration in the 20th–21st Centuries]. New York: RACH-C Press.
19. Hilden, I. & Zavadski, A. (2024) Museum participation as labor. *Curator: The Museum Journal*. 3. pp. 583–602. DOI: 10.1111/cura.12617
20. Hemmert, F. & Fineder, M. & Cezanne, F. et al. (2022) To Go or not to Go? A Participatory Approach to Digitally Augmenting Museum Experiences. In: *Mensch und Computer 2022*. Darmstadt: ACM. pp. 128–136.
21. Bragin, A.S. (2021) Universitetskiye muzei Silezskogo voyevodstva (Respublika Pol'sha) [University Museums of the Silesian Voivodeship (Republic of Poland)]. *Voprosy muzeologii – The Problems of Museology*. 1. pp. 68–79.
22. King, L. & Stark, J.F. & Cooke, P. (2016) Experiencing the Digital World: The Cultural Value of Digital Engagement with Heritage. *Heritage & Society*. 1. pp. 76–101. DOI: 10.1080/2159032X.2016.1246156
23. Pavlovsky, A.F. & Miller, A.I. (eds.) (2023) *Pamyat' v Seti: tsifrovoy povorot v memory studies* [Memory on the Web: The Digital Turn in Memory Studies]. St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg.
24. Naumov, V.B. (2025) Tsifrovoye sokhraneniye kul'turnogo naslediya kak sredstvo obespecheniya gosudarstvennogo suvereniteta [Digital Preservation of Cultural Heritage as a Means of Ensuring State Sovereignty]. *Tsennosti i smysly – Values and Meanings*. 6 (100). pp. 154–167.
25. Rahaman, H. (2018) Digital heritage interpretation: a conceptual framework. *Digital Creativity*. 2–3. pp. 208–234. DOI: 10.1080/14626268.2018.1511602

26. Povroznik, N.G. (ed.) (2021) *Istoriko-kul'turnoye naslediyе v tsifrovom izmerenii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Perm', 20–22 oktyabrya 2021 g.)* [Historical and Cultural Heritage in the Digital Dimension: Materials of the International Scientific Conference (Perm, October 20–22, 2021)]. Perm: Perm State National Research University.

27. Chen, Lilong (2025) *Tsifrovizatsiya kak sposob sokhraneniya kul'turnogo naslediya v Kitaye i Rossii: opyt sravnitel'nogo analiza* [Digitalization as a Way of Preserving Cultural Heritage in China and Russia: A Comparative Analysis Experience]. Culturology Cand. Diss. Moscow.

28. Zimina, L.V. & Puchkovskaya, A.A. (2021) *Metody i instrumenty dlya reprezentatsii geoprostranstvennykh narrativov v tsifrovoy kul'ture* [Methods and Tools for Representing Geospatial Narratives in Digital Culture]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury – Bulletin of the Saint Petersburg State University of Culture*. 49. pp. 27–32. DOI: 10.30725/2619-0303-2021-4-27-32

